
K.E.
Твоя марионетка

К. Е.

Твоя марионетка

«Автор»
2026

Е. К.

Твоя марионетка / К. Е. — «Автор», 2026

Когда-то я была блондинкой. Любила розовые розы, глупые романтические фильмы и верила, что настоящая любовь способна пережить любые трудности.Потом я встретила его. Он не любил блондинок — я перекрасилась. Он поднимал на меня руку — я научилась прощать.А однажды я ударила в ответ. И знаете, что он сказал? Что я изменилась. Что раньше была другой. Возможно, он был прав. Ведь я действительно изменилась.Я была его любимой девочкой. Его собственностью. Его марионеткой.Но даже у марионеток однажды обрываются нити.

© Е. К., 2026
© Автор, 2026

К. Е.
Твоя марионетка

Часть I. Он выбрал меня

Глава 1. Девушка с розовыми розами

Утром в день своего двадцатилетия Кира трижды отложила будильник, а потом ещё пять минут сидела на краю кровати, разглядывая список дел. Забрать распечатки. Отнести макет преподавателю. Отработать смену в типографии. Купить продукты. Внизу страницы, другим почерком, стояло: «Отметить двадцать лет».

Она сама дописала эту строчку накануне, чтобы день не растворился среди обычных дел. Теперь смотрела на неё и не могла придумать, что именно значит «отметить». Позвать кого-нибудь? Заказать торт? Надеть платье, которое давно висело в шкафу и ждало повода? Кира провела ногтем под словами и перевернула лист. Ответа на обороте не было.

Мама позвонила, когда Кира чистила зубы. За её голосом гудел автобус: мама ехала на смену и говорила чуть громче обычного.

— С днём рождения, моя хорошая. Двадцать лет. Не верится.

— Мне тоже, — ответила Кира с набитым пеной ртом.

Мама рассмеялась, потом извинилась, что приедет только на следующей неделе. Спросила, не нужно ли перевести денег, и тут же добавила, чтобы Кира выбрала себе подарок сама. Она говорила быстро, потому что автобус подъезжал к остановке. Кира сказала, что всё хорошо, что она не расстроилась, что у неё и так много дел. Когда звонок закончился, в ванной стало тихо. Она вытерла рот полотенцем и обнаружила, что всё ещё держит телефон у уха.

Алина написала ровно в полночь и прислала голосовое. Сначала пропела поздравление, потом рассмеялась, потому что перепутала слова, а в конце пообещала устроить праздник в субботу. Кира прослушала сообщение дважды. На третьем прослушивании уже чистила зубы и улыбалась отражению. Алина умела радоваться за неё так, будто её собственная жизнь тоже становилась чуточку лучше.

День прошёл в мелких задержках и чужих просьбах. Преподаватель посмотрел плакат, похвалил композицию и попросил смелее решить заголовок. Кира записала замечание, хотя обычно после таких слов весь день сомневалась в работе. В типографии Сергей поставил возле её клавиатуры батончик из автомата и сказал, что двадцать лет — хороший возраст: ещё можно не знать, что делаешь, но уже приходится делать это уверенно. Она рассмеялась и спрятала шоколад в сумку, чтобы съесть позже.

К вечеру ноги гудели, а плечо ныло от тяжёлой сумки. Кира вышла из типографии и направилась к цветочному киоску у остановки. Она могла купить себе что-нибудь полезное: новый блокнот, наушники, даже нормальный обед. Вместо этого остановилась перед ведром с розовыми розами. Цветы были неидеальные — у одной чуть помят лепесток, на другой темнел маленький след от дождя. Кира выбрала три.

Продавщица завернула стебли в коричневую бумагу.

— Кому подарок?

— Мне, — сказала Кира.

Она произнесла это легко, но почему-то покраснела. Продавщица не стала задавать вопросов, только добавила четвёртую розу и перевязала букет бечёвкой.

— Чтобы год был добрым.

Кира поблагодарила её и прижала цветы к пальто. Тёплое чувство продержалось до угла, где она, пытаясь достать телефон из сумки, столкнулась с мужчиной, выходившим из кофейни.

Бумага хрустнула. Розы выскользнули и упали на мокрую плитку. Один стебель попал под подошву прохожего.

— Чёрт. Простите, — сказал мужчина и сразу присел, собирая цветы. — Я смотрел не туда.

— Я тоже, — Кира подняла самый помятый бутон. — Видимо, многозадачность переоценена.

Он коротко рассмеялся. Не из вежливости: у него дрогнули плечи, а на лице появилось то удивлённое выражение, которое бывает, когда шутка застаёт врасплох.

— Вы поранились? — спросил он, заметив кровь на её пальце.

— Роза решила напомнить, что у неё характер.

— Тогда мы с ней похожи.

Он протянул ей букет. У него были тёмные волосы, влажные от мороси, серые глаза и стаканчик кофе, который он чудом не уронил. Кира заметила всё это с неловкой точностью и тут же разозлилась на себя за то, что разглядывает незнакомца, пока в руке кровит царапина.

— Я Даниил.

— Кира.

Они пожали друг другу руки, будто встретились на собеседовании. Она улыбнулась — впервые за день без усилия.

— Можно загладить вину кофе? — спросил он. — Тут рядом. Если вы не торопитесь.

Кира почти отказалась. В голове прозвучал голос Алины: не соглашайся идти куда-то с первым встречным. Но кофейня была за стеклом, внутри сидели люди, а дома ждали недорисованный макет и ужин, который она забыла разморозить. Кроме того, сегодня был её день рождения. Можно было разрешить себе пятнадцать минут.

— На пятнадцать, — сказала она. — У меня сегодня праздник.

— Какой?

— День рождения.

Даниил посмотрел на букет.

— Тогда кофе совершенно недостаточно. Но начнём с него.

За столиком у окна Кира поставила цветы в пустой стакан с водой. Даниил спросил, чем она занимается, и не отвлёкся ни разу, пока она рассказывала про факультет, типографию и старые книжные обложки. Кира объясняла, почему на некоторых книгах каждая буква будто знает своё место, и где дизайнеру лучше оставить воздух, чем добавить ещё одну красивую деталь.

На середине фразы она осеклась.

— Я слишком много говорю.

— Нет. Просто наконец говоришь о том, что тебе интересно.

Ей понравилось, как он это сказал. Не как комплимент, который нужно принять и вернуть, а как простое наблюдение. Она продолжила рассказывать про плакат, над которым работала, и даже показала фотографию на телефоне. Даниил спросил, почему заголовок такой осторожный. Кира ответила, что преподаватель сказал то же самое. Они вместе посмотрели на экран, и она объяснила, как собирается его переделать.

Пятнадцать минут превратились в сорок. Когда Кира заметила время, она резко встала и извинилась. Даниил не предложил проводить её и не стал удерживать. Только попросил номер. Она продиктовала его, проверила, правильно ли он записал, и вышла на улицу с букетом, в котором один стебель был сломан.

В автобусе пришло сообщение: «С днём рождения, Кира. Надеюсь, оставшиеся розы доедут благополучно. Даниил, виновник цветочной катастрофы».

Она улыбнулась экрану. Убрала телефон, достала снова и перечитала. Вечером Алина выслушала рассказ в голосовом, перебивая вопросами, а мама прислала фотографию торта, который купила на смену для коллег. Кира поставила розы в банку из-под варенья, потому что ваза была занята карандашами, и села доделывать макет.

В комнате было тихо, на столе пахло бумагой и водой из-под цветов. День рождения не стал большим событием. Но в нём оказалось несколько маленьких вещей, которые Кира захотела запомнить.

Глава 2. Ты не такая, как остальные

На первое настоящее свидание Кира опоздала на семь минут. Она вышла заранее, но дважды возвращалась за забытыми вещами и ещё раз — чтобы сменить серьги. Перед зеркалом ей всё казалось неправильным: волосы слишком светлые, платье слишком простое, губы слишком бледные. Алина, которой Кира успела отправить пять фотографий, написала: «Шестую не присылай. Ты красивая. Иди уже».

«Я просто хочу выглядеть нормально», — ответила Кира.

«Ты выглядишь нормально. И не пытайся угадать, какой он хочет тебя видеть».

Последнюю фразу Кира прочитала, но не стала обсуждать. Ей казалось естественным постараться понравиться человеку, который ей нравился. В этом не было ничего плохого. Она поправила ворот платья, взяла сумку и вышла, пока не успела переодеться снова.

Даниил ждал у книжного магазина с двумя стаканами чая. Он запомнил, что Кира не любит кофе после обеда, и от этой мелочи ей стало теплее, чем от любого подарка.

— Я боялся, что ты передумала, — признался он.

— Я боялась, что ты передумал.

Они рассмеялись, и первая неловкость рассеялась.

В магазине Даниил не торопил её. Кира переходила от полки к полке, касалась корешков, читала аннотации и останавливалась у книг с иллюстрированными обложками. У витрины она задержалась перед новым изданием любимого романа. Яркая картинка обещала приключение, хотя сама книга была тихой и грустной.

— Тебе не нравится? — спросил Даниил.

— Она красивая. Просто обещает другую историю.

— Обложка должна продавать книгу.

— А если из-за этого человек купит не ту книгу?

— Тогда он прочитает хорошую книгу, которую иначе не заметил бы.

— Это нечестный способ познакомить их.

— Зато сработал. Ты ведь остановилась.

Он улыбнулся, и Кира не нашла, чем возразить. Они спорили ещё о двух обложках, пока продавец не попросил их освободить проход. Кире понравилось, что Даниил не отступал сразу, но и не превращал несогласие в соревнование. Она могла сказать, что не согласна, и не следить потом за его лицом.

За обедом он рассказал, что помогает старшему партнёру в компании по организации мероприятий. Иногда работа выматывает, но он хочет накопить денег и открыть своё дело. Говорил быстро, перескакивал с темы на тему, однако всякий раз возвращался к тому, что рассказывала Кира. Спрашивал, как она выбирает цвет, зачем оставляет пустое пространство, почему не хочет рисовать людей реалистично.

— А ты чего хочешь через пять лет? — спросил он.

Кира долго крутила ложку в чашке.

— Работать дизайнером. Может, рисовать обложки. Жить в квартире с большим окном. И завести кота.

— Кот обязательный пункт?

— Самый обязательный.

— Тогда надеюсь, у него будет хороший характер.

— Я надеюсь, у меня будет хороший характер, когда я смогу позволить себе эту квартиру.

Даниил рассмеялся и накрыл её руку своей. Кира не отдёрнула ладонь. Ей нравилась его уверенность в будущем; рядом с ней собственные планы казались не такими несбыточными.

После обеда они пошли гулять. На перекрёстке Даниил встал со стороны дороги, и Кира заметила этот жест, хотя не сказала ничего. Дождь начался внезапно. Они спрятались под козырьком закрытого магазина. Даниил стоял близко, но не касался её.

— Можно тебя поцеловать? — спросил он.

Кира почувствовала, как горячими стали уши.

— Можно.

Поцелуй оказался коротким и осторожным. Она не запомнила запах его пальто, зато помнила, что улыбнулась раньше, чем открыла глаза.

Вечером Алина позвонила по видеосвязи. Кира сидела на кровати всё ещё в платье и пыталась рассказывать спокойно. Подруга слушала минуту, затем потребовала:

— Перестань улыбаться так загадочно и расскажи, что произошло.

Кира закрыла лицо ладонями.

— Он меня поцеловал.

Алина захлопала и тут же спросила, когда они встретятся втроём.

— Я ещё не знаю. Мы только начали встречаться.

— Я не тороплю. Просто хочу знать, что у тебя есть жизнь и кроме него.

— У меня есть учёба, работа и ты.

Кира не сразу поняла, почему ей так запомнился звук застёжки на его часах. Даниил снял часы, положил на подоконник, и маленький металлический щелчок прозвучал так по-домашнему, будто он уже давно имел право оставлять здесь свои вещи. За окном шумел автобус. На кухне у Алины кто-то из соседей снова пытался починить кран. Всё было обычным, кроме того, что Кира сидела на полу возле дивана и ловила себя на желании запомнить этот вечер целиком: чужую куртку на спинке стула, мокрый след от стакана, его привычку заправлять волосы за ухо, когда он слушает.

— Ты опять меня рассматриваешь, — сказал он.

— Проверяю, настоящий ли ты.

— И как результаты?

— Подозрительные.

Он рассмеялся, и она тоже. На следующий день Кира поймала себя на том, что улыбается в маршрутке. Женщина напротив посмотрела на неё с неодобрением, словно улыбаться в восемь утра среди запотевших окон было неприлично. Кира отвернулась к стеклу и написала Алине: «Кажется, я влипла». Ответ пришёл мгновенно: «Только не отменяй нашу пятницу из-за красивых глаз». Кира набрала: «Да ни за что». И отправила, не подозревая, сколько раз ещё будет писать подруге похожие обещания.

В пятницу Даниил неожиданно приехал к институту. Он стоял возле ворот с бумажным стаканом кофе и совершенно серьёзным видом изучал расписание на стенде, словно собирался поступать. Кира вышла с одногруппниками, заметила его и остановилась посреди ступенек. Он поднял стакан, как флаг перемирия.

— Я запомнил, что ты ненавидишь кофе без молока.

— Я ненавижу плохой кофе без молока.

— Значит, есть шанс, что этот выживет.

Она взяла стакан. Молоко было овсяным, хотя она упоминала об этом всего один раз, между разговором о преподавателе типографики и смешной истории про кошку Алины. Такое внимание казалось почти невероятным. Не роскошным, не показным — точным. Когда человек слышит мелочь, которую ты сама едва заметила.

— Сегодня у нас с Алиной кино, — предупредила Кира.

— Знаю. Ты говорила.

— Я просто…

— Не оправдывайся. У тебя была жизнь до меня.

Он произнёс это так легко, что Кира потом не раз возвращалась к фразе. В первые недели он действительно не просил отказаться от подруги, занятий или вечерних прогулок. Он просто оказывался рядом в тот момент, когда она больше всего хотела, чтобы кто-нибудь оказался рядом. И это было опаснее прямого требования: невозможно сопротивляться тому, что выглядит как исполнение твоих желаний.

— Хорошо. Не бросай ни одно из этого.

Кира сказала, что ничего не бросит, и искренне верила в свои слова.

Перед сном Даниил прислал фотографию обложки, из-за которой они спорили: «Всё равно считаю её хорошей». Кира ответила длинным сообщением с тремя аргументами против. Он написал: «Тогда придётся встретиться ещё раз. Иначе спор не закончить».

Она положила телефон рядом с подушкой и долго не засыпала. Ей не хотелось торопить будущее. Достаточно было того, что на следующий день у неё будет пара, смена в типографии и, возможно, сообщение от Даниила.

В четверг Кира принесла на свидание маленький альбом. На последней странице она нарисовала книжный магазин, в котором они спорили об обложках. Получилось криво: полки заваливались вправо, а фигура Даниила была выше дверного проёма. Кира собиралась показать рисунок после ужина, но он сам заметил уголок бумаги, торчавший из сумки.

— Это что, секретный проект?

— Не смейся. Я не закончила.

Он раскрыл альбом прямо на остановке. Сначала молчал, потом провёл пальцем по маленькой нарисованной чашке в его руке.

— Ты запомнила, что я принёс тебе чай?

— Я запоминаю бесполезные вещи.

— По-моему, самые важные.

Кира смотрела не на рисунок, а на его лицо. Он действительно был растроган, и от этого хотелось рассказать ему всё: как она иногда специально шла мимо книжного магазина, как придумала смешное название для их первого свидания, как боялась показаться слишком заинтересованной. Вместо этого она вытащила из кармана смятый билет на автобус.

— А это, между прочим, наш музейный экспонат.

Даниил засмеялся, бережно закрыл альбом и спросил, можно ли оставить его себе. Кира согласилась не сразу: ей хотелось ещё исправить полки. Он сказал, что ничего исправлять не нужно.

Позднее, уже дома, она получила фотографию рисунка: Даниил поставил альбом на полку возле рабочего стола. «Буду смотреть, когда захочется сбежать с работы», — написал он.

Кира прижала телефон к груди, почувствовала себя глупо и всё равно так просидела несколько минут. Именно этот вечер она потом вспоминала чаще других. Не потому, что он был особенно красивым. Потому что тогда Даниил умел обращаться с тем, что она делала, осторожно, словно боялся повредить. Ей потребовалось много времени, чтобы перестать искать этого человека в каждом следующем его поступке.

В следующий четверг Кира обнаружила в почтовом ящике открытку без подписи. На лицевой стороне был нарисован старый трамвай, а внутри — билет на выставку книжной графики и короткое: «Не хочу спорить о красивых обложках по телефону». Она долго держала открытку над кухонным столом. Билет был на два лица, но время не совпадало с её сменой в типографии.

— Я не смогу к семи, — сказала она Даниилу, когда он позвонил.

— Тогда пойдём к восьми.

— Выставка закрывается в девять.

— Значит, у нас будет час. Мне хватит.

Она удивилась этой простоте. Обычно чужие планы требовали от неё объяснений, извинений, переговоров. Здесь же достаточно оказалось сказать, что она занята. Кира потом не раз вспоминала тот разговор, пытаясь найти точную минуту, когда всё стало иначе. Не находила: тогда она ещё не знала, что забота тоже может быть началом привычки уступать.

В типографии перед закрытием сломался резак. Сергей велел всем идти домой, а сам остался разбираться с механизмом. Кира вышла на улицу с пятном краски на запястье и почти побежала к трамвайной остановке. Даниил встретил её у дверей выставочного зала. В руках у него были два бумажных стаканчика.

— Ты опоздала на четыре минуты, — объявил он.

Кира напряглась.

— Я знаю. У нас...

— Это не обвинение. Я успел выбрать тебе чай.

Он протянул стаканчик, и она рассмеялась от неожиданности. В зале они остановились перед обложкой, на которой почти ничего не было: только маленькая красная точка в углу белого поля. Даниил сказал, что не купил бы такую книгу. Кира объяснила, почему купила бы именно её. Они спорили шёпотом, чтобы не мешать смотрительнице, и оба в конце признали, что хотели бы знать, какая история прячется под этой обложкой.

У выхода продавали открытки. Кира выбрала одну с красной точкой, но Даниил успел заплатить раньше неё.

— Дань, я могу сама.

— Знаю. Просто хочу подарить.

Он сказал это так легко, что спорить было бы глупо. Вечером она прикрепила открытку над столом и смотрела на неё, пока не уснула. Ей нравилось, что кто-то заметил её интересы и потратил на них время. В ту ночь она впервые представила Даниила не как красивое случайное знакомство, а как человека, которому можно доверить самое дорогое — собственные мечты.

Глава 3. Слишком хорошо, чтобы быть правдой

Через две недели Даниил стал частью Кириного привычного маршрута. Иногда он встречал её после пар, иногда присылал голосовое из машины, пока ехал на работу. Если Кира жаловалась на холод, он привозил горячий шоколад. Однажды оставил в кармане её куртки записку с нарисованной чашкой и словами: «Не забывай обедать».

Она нашла записку уже в университете и весь день хранила её в блокноте. Вечером отправила Даниилу фотографию и написала, что теперь обязана пообедать, иначе он получит право на лекцию. Он ответил: «Я просто переживаю».

Его внимание нравилось ей. Нравилось, что он замечал, когда она устала, и помнил мелочи. Кира не привыкла к такому количеству заботы и порой не знала, что отвечать. Когда он спрашивал, добралась ли она до дома, она писала: «Да». Потом добавляла, что купила хлеб и закончила макет. Через месяц уже сама отправляла ему отчёт о дороге, не замечая, что никто об этом не просил.

В субботу Алина пришла к ней с пакетом пирожных. Кира открыла дверь, прижимая телефон плечом к уху.

— Я перезвоню через десять минут, ладно? — сказала она Даниилу.

— Ты с кем?

— С Алиной.

— А, хорошо. Только не пропадай.

Кира отключилась и пригласила подругу. Алина посмотрела на телефон, потом на неё.

— Он всегда так часто звонит?

— Ему просто нравится со мной разговаривать.

— Это прекрасно, если тебе тоже нравится.

— Нравится.

Ответ прозвучал резче, чем Кира хотела. Алина не стала спорить. Она сняла куртку, поставила коробку на стол и спросила, как идут дела в университете. Через несколько минут они уже обсуждали преподавателя, который требовал «добавить воздуха» в макет, будто воздух можно было купить в магазине.

Телефон завибрировал во время чая. Кира глянула на экран, но не взяла его. Через минуту он завибрировал снова.

— Ответь, если ждёшь важного, — сказала Алина.

— Я не жду.

В третий раз Кира всё же посмотрела. «Ты занята?» — написал Даниил.

Она набрала: «С Алиной. Мы пьём чай».

«Понятно».

Она положила телефон экраном вниз. Разговор с Алиной продолжился, но Кира всё время возвращалась мыслями к одному слову. Может, Даниил хотел позвонить. Может, у него что-то случилось. Может, она должна была предупредить его заранее, что подруга придёт.

— Ты опять там, — сказала Алина.

— Где?

— В телефоне, хотя телефон даже не у тебя в руках.

Кира улыбнулась, будто это была шутка, и предложила включить фильм. Они выбрали старую комедию, которую смотрели ещё в школе. В первые двадцать минут Кира дважды проверила экран. На третий раз Алина поставила фильм на паузу.

— Если ты хочешь провести время с ним, просто скажи. Я уйду.

— Не говори глупостей.

— Тогда побудь со мной. Хотя бы один фильм.

Кира перевернула телефон экраном вниз и придвинулась к подруге. Они досмотрели комедию, хотя Кира смеялась немного позже обычного.

Позже, когда Алина ушла, Даниил позвонил.

— Ты сегодня какая-то далёкая, — сказал он.

— Мы с Алиной фильм смотрели.

— Я понимаю. Просто соскучился.

Кира почувствовала нежность и вину одновременно. Одно чувство заглушало другое.

— Я тоже.

— Тогда приезжай завтра пораньше?

Она вспомнила о незавершённом проекте. До просмотра оставалось три дня, а макет был готов лишь наполовину.

— Постараюсь закончить к вечеру.

Даниил помолчал.

Лера заметила перемены раньше Киры. На занятии по композиции она пододвинула свой стул и спросила, почему Кира перестала оставаться после пар. Раньше они могли часами сидеть в пустой аудитории, споря о том, какой цвет выглядит теплее рядом с серым, и уходили только после замечания охранника. Теперь Кира всегда торопилась.

— У тебя что, секретная работа в разведке? — спросила Лера.

— Просто дел много.

— Понимаю. Любовь, романтика, совместные фотографии. Но ты пропустила просмотр наших проектов. Там твой эскиз обсуждали.

— Какой?

— Девочку у моря. Преподавательница сказала, что у неё есть характер. Хотела, чтобы ты развила серию.

Кира почувствовала знакомое приятное тепло. Потом вспомнила, что вечером Даниил собирался приехать, и сказала, что у неё нет времени. Лера пожала плечами, но не стала настаивать. Это было неприятнее, чем если бы она обиделась: мир спокойно принимал её отказ, не требуя объяснений.

Даниил встретил её после занятий и предложил съездить за город. Они ехали по мокрой дороге, слушали музыку, останавливались у маленькой заправки за горячими булочками. Кира смеялась, когда он пытался объяснить, почему чай из пластикового стакана вкуснее ресторанного. На обратном пути она рассказала про слова преподавательницы. Даниил не отмахнулся, даже сказал, что гордится ею. А потом добавил:

— Только не превращай всё в гонку за одобрением. Ты и так хорошая.

Он произнёс это ласково, погладил её колено. Кира согласилась. Позже, открывая ноутбук, она поймала себя на мысли, что желание показать работу преподавательнице стало казаться чем-то постыдным, будто она собиралась просить чужих людей оценить её вместо того, чтобы радоваться любви. Она закрыла ноутбук и пошла отвечать на сообщение Даниила. Девочка в жёлтом плаще осталась на берегу одна.

— Ну конечно. У тебя всегда миллион дел.

— Дань, я правда должна закончить работу.

— Ладно, не оправдывайся. Я же не запрещаю.

Слова были спокойными. Кира всё равно услышала в них недовольство и пообещала, что постарается.

Она закончила макет ночью, переделав заголовок так, как просил преподаватель. Утром отправила файл на печать, а воскресенье освободила для Даниила. Он встретил её у подъезда и обнял так крепко, будто они не виделись месяц.

— Моя хорошая. Я знал, что ты приедешь.

Кира рассмеялась, прижавшись к его пальто. Она не стала рассказывать, что спала четыре часа и что макет получился не таким, как ей хотелось. В машине он включил музыку, которую она недавно показывала, и спросил, как прошёл просмотр. Когда она сказала, что преподаватель похвалил работу, Даниил поцеловал её в висок.

— Я же говорил, ты талантливая.

На обратном пути они заехали в магазин. Даниил купил продукты для ужина, а Кира выбирала сок. Он взял её любимый персиковый, хотя сам предпочитал апельсиновый. За столом говорил о будущем: о море, о маленьком доме за городом, о том, как однажды они будут смеяться над тем, что когда-то так много работали.

В его планах всё звучало просто. Кира слушала и представляла, как сидит с альбомом у большого окна, а рядом спит кот. Её собственное будущее, которое раньше было списком трудных целей, теперь обрело тёплый свет.

Когда они выбирали фильм, Даниил перебирал её волосы и сказал:

— Ты не такая, как остальные.

— Это хорошо или плохо?

— Хорошо. Ты настоящая.

Кира улыбнулась. Ей хотелось верить, что он увидел её именно такой: не удобной, не идеальной, а собой. Она положила голову ему на плечо и закрыла глаза.

Поздно вечером дома она достала блокнот. На полях возле эскиза квартиры написала: «Большое окно. Кот. Работа, которую люблю». После короткой паузы добавила: «Даниил?» — и тут же зачеркнула вопросительный знак.

Телефон завибрировал. «Доехала? Скучаю».

Кира ответила: «Да. Я тоже».

Она поставила блокнот на стол рядом с запиской про обед и выключила свет.

Однажды Даниил приехал к университету с двумя билетами на концерт. Кира как раз собиралась в типографию: Сергей попросил её подменить заболевшую сотрудницу, и она уже согласилась. Билеты лежали у Даниила в ладони, плотные, с серебряными буквами.

— Сюрприз, — сказал он. — Ты же говорила, что любишь эту группу.

Кира действительно любила её. В старших классах они с Алиной слушали эти песни в наушниках по дороге домой. На секунду ей захотелось бросить всё и поехать с Даниилом. Потом она вспомнила про смену.

— Дань, я сегодня работаю.

— Я знаю. Но концерт только сегодня.

— Я обещала Сергею.

Даниил опустил руку. Он не рассердился. Наоборот, выглядел так растерянно, что Кире стало стыдно.

— Я хотел сделать тебе приятно, — сказал он. — Думал, ты обрадуешься.

— Я радуюсь. Правда.

— Тогда поехали.

Она позвонила Сергею. Тот долго не отвечал, а когда взял трубку, за его спиной грохотала печатная машина. Кира объяснила ситуацию, несколько раз извинилась и предложила выйти на дополнительную смену в воскресенье. Сергей помолчал и сказал, что справятся. В его голосе не было упрёка. От этого Кире стало ещё хуже.

На концерте Даниил держал её за руку. Они пели вместе с залом, смеялись, когда солист перепутал слова, и после купили картошку в круглосуточном кафе. Вечер был прекрасным. Кира знала это и не хотела портить его мыслями о работе.

Наутро Сергей встретил её привычным приветствием. Только на столе стояла недоделанная пачка заказов. Кира осталась после смены, чтобы помочь. Даниил написал, что соскучился. Она ответила: «Я скоро». Потом ещё раз: «Совсем скоро». Когда вышла, было темно.

Позднее она рассказывала Алине про концерт и не упомянула о том, как меняла смены. Ей казалось, что иначе хороший поступок Даниила превратится в плохой, а она не хотела быть человеком, который не умеет ценить подарки.

Глава 4. Первое замечание

Через два месяца после знакомства Кира подарила Даниилу рисунок. Она выбрала для него плотную бумагу и неделю подбирала оттенки: узкая улица после дождя, жёлтые окна, две крошечные фигуры под одним зонтом. Фигуры были почти неразличимы, но Кира знала, что одна из них — он, а другая — она.

Ужин она планировала весь день, хотя Даниил попросил не устраивать ничего особенного. В маленьком ресторане у окна он отодвинул ей стул, спросил, не холодно ли, и заказал чай, который она любила. Когда Кира протянула ему рисунок, он долго молчал.

— Ты сама сделала?

— Да. Если не нравится, можно сказать.

— Нравится. Просто я никогда не получал такого подарка.

Он поцеловал её пальцы. Кира почувствовала, как вся неловкость последних дней — ожидание встречи, сомнения, что нарисовать, страх показаться слишком сентиментальной — разом исчезла.

После ужина они поднялись к нему. В зеркальных стенах лифта отражались его тёмное пальто и её светлые волосы, выбившиеся из-под шарфа. Даниил поправил ей прядь у лица.

— Знаешь, я никогда не любил блондинок.

Он произнёс это буднично, будто сообщил, что не пьёт чай с сахаром. Кира не сразу поняла, что ответить.

— Даже меня? — спросила она, надеясь на смех.

— Ты исключение. Хотя с тёмными волосами была бы просто огонь.

Лифт остановился. Даниил взял её за руку, и двери разъехались. Кира пошла рядом, стараясь решить, была ли это шутка. Если бы она сказала, что ей неприятно, он, наверное, удивился бы. И тогда пришлось бы доказывать, что она не обидчивая.

На следующий день они с Алиной встретились в пекарне у остановки. Кира сломала булочку пополам, но не съела ни кусочка.

— Что случилось? — спросила Алина.

— Ничего. Даниил вчера сказал странную вещь.

Она пересказала разговор в лифте. Ей хотелось, чтобы Алина рассмеялась и сказала, что мужчины иногда говорят глупости. Подруга нахмурилась.

— Он сказал, что не любит блондинок, хотя ты перед ним сидела?

— Ну да. Но он же сказал, что я исключение.

— Сказал?

Кира отвела глаза. Нет. Она сама добавила это слово, чтобы фраза звучала мягче.

— Я не хочу придираться к каждому слову.

— И не надо. Просто не думай, что с твоими волосами что-то не так.

На улице ветер подхватил прядь. Кира заправила её за ухо, как делала всегда. До вчерашнего вечера цвет волос казался ей такой же частью себя, как почерк или привычка читать перед сном. Теперь она впервые пыталась представить себя чужими глазами.

Вечером Даниил позвонил, когда Кира выбирала снимки для портфолио. Он попросил прислать фотографию, на которой хорошо видно лицо. Она отправила селфи у окна.

— Красивая, — сказал он после паузы. — Но представь, как эффектно смотрелась бы с тёмными волосами.

— Ты уже говорил.

— Я же не заставляю. Просто советую.

Он перевёл разговор на планы на выходные и попросил выбрать фильм. Кира согласилась, но после звонка открыла приложение с примеркой оттенков. Темный каштан делал глаза

ярче, рыжий выглядел слишком смело, а собственный цвет на экране вдруг казался скучным. Она закрыла приложение, через минуту открыла снова.

Перед сном Кира вспомнила, как мама заплетала ей две косы перед школьными праздниками и называла волосы пшеничными. В подростковом возрасте она мечтала стать рыжей, но так и не решилась. Тогда перемена казалась слишком большой и не стоила риска. Теперь она убеждала себя, что экспериментировать — значит быть свободной.

Утром она отправила Алине два снимка с виртуальными причёсками. Подруга спросила: «А тебе самой какой нравится?» Кира хотела ответить честно, но не знала, какой ответ честный. Она отправила смеющийся смайлик и закрыла переписку.

Через несколько дней они с Даниилом шли вдоль реки. Ветер путал ей волосы, а он рассказывал о работе. Кира спросила:

Первое замечание она попыталась превратить в шутку. В примерочной большого магазина Кира стояла перед зеркалом в зелёной юбке и снимала для Алины видео: поворот, смешная поза, театральный поклон. На экране телефона мелькнуло сообщение Даниила: «Где ты?» Она отправила фотографию, не задумываясь. Через минуту он позвонил.

— Ты собираешься это купить?

— Думаю. Нормально?

— На тебе всё нормально. Просто цвет какой-то детский.

Кира посмотрела на юбку. Ещё секунду назад она казалась ей дерзкой и красивой. Теперь в зеркале будто проступили недостатки: слишком яркая, слишком короткая, слишком заметная.

— Ты же сама спрашивала, — добавил он. — Не обижайся на честность.

— Я не обижаюсь.

Она повесила юбку обратно, вышла из примерочной и купила чёрную водолазку. Продавщица аккуратно сложила её в пакет и спросила, нужен ли чек. Кира кивнула. На улице она открыла переписку с Алиной. Подруга прислала голосовое: «Бери зелёную! Ты в ней как главная героиня французского фильма, который никто не понял». Кира прослушала сообщение дважды, но отвечать не стала.

Позже, уже дома, она достала водолазку из пакета и приложила к себе. Ничего плохого. Хорошая вещь, практичная. Только хотелось плакать, а причины для слёз не было. Даниил позвонил ближе к ночи, спросил, что она делает, сказал, что скучает. Она рассказала про преподавателя, который заставил группу переделывать макет из-за одного неправильного интервала. Даниил слушал, смеялся, называл её умницей. Кира почти успокоилась. И всё-таки, когда он спросил, купила ли она юбку, она почему-то ответила:

— Нет. Передумала сама.

Ложь была крошечной, никому не нужной. Но она прозвучала так естественно, будто уже давно ждала своего часа.

— А если я перекрашусь?

Даниил тут же достал телефон и стал искать оттенки.

— В тёмный? Тебе очень пойдёт. Вот такой.

Он показал фотографию. Кира долго смотрела на экран. Ей хотелось, чтобы он спросил, почему она задумалась о перемене, или просто сказал, что она красива и так. Но он уже выбирал подходящий цвет.

— Я подумаю, — сказала она.

— Конечно. Решать тебе.

Он убрал телефон и поцеловал её в висок. Слова звучали правильно. И всё же до дома Кира шла молча, чувствуя, что её ответ почему-то должен его обрадовать.

В субботу Кира пришла к матери с коробкой пирожных и фотографиями новых работ. Мама открыла дверь в домашних тапках, прижала её к себе и тут же спросила, не замёрзла ли

она. В квартире пахло укропом и жареным луком. На кухонном подоконнике стояли старые фиалки, которые никто не мог заставить цвести, кроме мамы.

— Покажи, чем ты там занимаешься, — попросила она, когда они сели за стол.

Кира разложила распечатки. Мама внимательно рассматривала каждую, хотя в дизайне понимала немного. У одного плаката она задержалась.

— Здесь будто всё на своём месте.

— Это и есть самое трудное, — улыбнулась Кира.

— А волосы у тебя красивые. Ты их давно подравнивала?

Вопрос был совершенно обычным. Но Кира сразу вспомнила разговор в лифте, будто кто-то нажал на больное место.

— А если бы я покрасилась в тёмный?

Мама отложила вилку.

— Ты хочешь?

— Просто спрашиваю.

— Тогда я тоже просто отвечу: мне нравится, когда ты выбираешь сама.

Кира хотела рассказать о Данииле, о его замечаниях, о том, как он смотрит на фотографии девушек с тёмными волосами. Вместо этого спросила, есть ли дома ещё чай. Мама встала к шкафчику, и возможность признаться прошла.

На обратном пути Даниил позвонил и спросил, как прошёл день. Кира рассказала о пирожных, о маминых фиалках и о том, что та похвалила плакаты.

— Она, наверное, скучает, — сказал он.

— Очень. Я давно не приезжала.

— У нас же завтра планы. Не вздумай опять у неё застрять.

Он засмеялся, и Кира тоже засмеялась, хотя смех получился коротким. На секунду ей захотелось сказать, что мама — не препятствие между ними. Но Даниил уже рассказывал, какой ресторан выбрал на воскресенье, и Кира решила не портить разговор.

Дома она повесила новую работу рядом с открыткой из выставочного зала. У плаката был смелый крупный заголовок, который раньше она не решалась использовать. Кира сфотографировала его и отправила Даниилу. Он ответил: «Круто. А ты всё-таки подумай про волосы». Она положила телефон экраном вниз и впервые за вечер перестала смотреть на рисунок.

Глава 5. Моя хорошая девочка

В пятницу Даниил пригласил Киру на день рождения друга Ильи. Она перебрала три платья и выбрала простое синее — в нём было удобно сидеть, смеяться и танцевать. У подъезда Даниил улыбнулся:

— Красавица.

Кира расслабилась. Она боялась оказаться неловкой среди незнакомых людей, но по дороге он рассказывал о друзьях и обещал не оставлять её одну.

В квартире было шумно. Кто-то спорил о футболе, на кухне искали штопор, именинник пытался поставить музыку с телефона. Илья представил Киру гостям, и вскоре она оказалась за столом рядом с Антоном, который учился на архитектора.

Он заметил рисунок на чехле её телефона и спросил, сама ли она его сделала. Кира рассказала о факультете, о старых домах и о том, как вечно закрашивают фасады одинаковой серой краской. Антон показал фотографию здания, которое хотел восстановить для учебного проекта. Они заговорили о пустом пространстве в дизайне и о преподавателях, которые требовали добавить ещё один элемент просто потому, что место казалось им слишком свободным.

Кира рассмеялась. Она не следила за громкостью голоса и не проверяла, куда смотрит Даниил. Антон нашёл на столе салфетку, и Кира нарисовала на ней кривой дом с огромным окном. Через минуту подняла глаза и увидела Даниила. Он стоял у дверного проёма, держа два стакана. Улыбки на его лице не было.

Обратно они ехали молча. Кира сперва решила, что он устал. Когда машина остановилась у её дома, она спросила:

— Я что-то сделала?

Даниил повернулся к ней.

— Тебе обязательно было весь вечер строить глазки Антону?

— Мы говорили про учёбу.

— Конечно. Все вы так говорите.

— Я почти не знаю его.

— Это не мешало тебе смеяться.

Кира хотела перечислить темы разговора, но уже слышала, как нелепо это прозвучит. Она смотрела на собственные руки и пыталась восстановить вечер по секундам: наклонялась ли ближе из-за музыки, касалась ли его руки, смеялась ли слишком громко. Обычные детали постепенно обрастали виной.

— Я не флиртовала, — сказала она.

— Я не слепой.

— Ты говоришь так, будто я виновата.

Даниил отвернулся к рулю. Его пальцы сжались на кожаном покрытии.

— Я не хочу сейчас продолжать.

Он довёз её до подъезда и не вышел. Кира поднялась домой, не сняв пальто, и долго сидела на краю кровати. Ей хотелось позвонить Алине. Вместо этого она написала: «Как понять, что ты случайно обидела человека?»

Подруга позвонила сразу.

— Кого ты обидела?

— Даниила. Кажется.

Кира рассказала о вечере. Алина выслушала и спросила:

— Он говорил тебе заранее, что нельзя разговаривать с его друзьями?

— Конечно нет. Это было бы странно.

— Тогда почему ты думаешь, что нарушила правило?

Кира не нашла ответа. Она хотела защищать Даниила, но слова Алины задели сильнее, чем должны были. Она сказала, что не хочет, чтобы подруга судила о нём по одной ссоре. Алина ответила, что не судит, а спрашивает, как Кира себя чувствует. Кира сказала, что всё нормально, и завершила разговор.

Наутро она снова прокручивала разговор с Антоном. Ничего, что можно было бы назвать флиртом. И всё же обвинение Даниила звучало настолько уверенно, что Кира искала в воспоминаниях скрытые признаки собственной вины.

Вечером он приехал с её любимым пирожным. Поставил коробку на стол, снял куртку и обнял её.

— Я погорячился. Просто ты мне очень дорога.

Кира почувствовала облегчение раньше, чем успела решить, простила ли его. Она обняла в ответ. Даниил не сказал «я был неправ», но принёс пирожное, которое она любила, и этого оказалось достаточно, чтобы ей захотелось забыть вчерашний вечер.

Когда они сидели на кухне, Кира всё же сказала:

— Мне было приятно поговорить с кем-то про учёбу. Я не хотела тебя задеть.

— То есть со мной тебе неинтересно?

В институте объявили конкурс плакатов для городской библиотеки. Победителю обещали небольшой гонорар и возможность увидеть свою работу на настоящих афишах. Кира узнала о конкурсе случайно: листовка висела на двери аудитории, наполовину закрытая расписанием пересдач. Она сфотографировала условия, потом весь день мысленно перебирала идеи. Книги, окна, свет, люди, которые встречаются на страницах, хотя никогда не увидятся в жизни.

Вечером она показала наброски Даниилу. Он выбрал один, самый спокойный, и сказал, что остальные слишком странные. Кира попыталась объяснить, почему ей нравится плакат с огромной тенью дерева и маленькой фигурой читателя. Даниил слушал несколько минут, потом спросил, почему она так остро реагирует на критику.

— Я не реагирую остро. Я просто объясняю идею.

— Значит, моё мнение тебе не нужно.

Кира растерялась. Она сама попросила его посмотреть, потому что хотела разделить радость. Теперь приходилось выбирать между собственным замыслом и его спокойствием. Она отложила странный плакат и стала дорабатывать тот, который ему понравился.

На следующий день преподавательница посмотрела работы и остановилась именно на отвергнутом эскизе.

— Здесь есть мысль, — сказала она. — Почему не развиваешь?

Кира пожала плечами. Не хотелось рассказывать про разговор дома. Она сказала, что сомневается в композиции. Преподавательница предложила несколько решений, показала, как можно изменить масштаб. Кира вышла из аудитории воодушевлённая. Но к вечеру снова начала сомневаться. Даниил спросил, зачем она тратит время на вариант, который заведомо хуже. Кира закрыла файл и сказала, что устала.

Конкурс закончился без неё. Позже она увидела афиши победителя на автобусной остановке и почувствовала не зависть, а горечь от собственной несделанной работы. Никто не запрещал ей участвовать. Никто не удалял файлы и не ломал карандаши. Но почему-то она всё реже доводила свои идеи до конца. Это было похоже на медленное исчезновение света в комнате: лампы гаснут по одной, и ты не замечаешь, как наступает темнота.

— Я не это имела в виду.

— Не надо делать из меня идиота.

В прихожей пахло мокрой кожей ботинок и его одеколоном. Кира стояла в синем платье, которое накануне выбирала почти час, и снова объясняла, что не собиралась его обидеть.

Через полчаса Даниил сам подошёл к ней. Сел на край кровати, взял её за ладонь.

— Прости, моя хорошая девочка. Я просто ревную. Ты мне очень дорога.

Кира заплакала. Ей было стыдно за слёзы и одновременно хотелось, чтобы он крепче обнял. Она шепнула, что не хотела его обижать.

— Я знаю. Просто не делай так больше.

Она кивнула. Что именно не делать, осталось неясным.

В воскресенье Алина позвонила узнать, как прошёл праздник. Кира рассказала про музыку, смешной торт и разговоры о старых домах. Про дорогу домой и кухню не сказала. Подруга спросила, почему голос такой усталый.

— Не выспалась.

Это было почти правдой. Ночью Кира долго лежала с открытыми глазами, слушая тишину в комнате. Ей казалось, что хороший вечер испортила она сама. Мысль о том, что обвинение было несправедливым, мелькнула и исчезла. Кира отложила её, как письмо, на которое пока не готова отвечать.

На следующей неделе Антон прислал Кире ссылку на конкурс студенческих плакатов. Сообщение было коротким: «Увидел и вспомнил твой рисунок на салфетке. Участвуй». Кира прочитала его в автобусе, сохранила положение страницы и уже хотела ответить, когда рядом сел Даниил.

— Кто пишет?

— Знакомый Ильи. Про конкурс.

— Тот самый архитектор?

Она кивнула. Даниил попросил показать экран. Кира протянула телефон, ещё не успев подумать, что могла бы отказаться. Он пролистал переписку, вернул аппарат и улыбнулся так, словно проверка прошла успешно.

— Удивительно настойчивый парень. Сколько раз вы виделись?

— Один. Ты же был рядом.

— Я просто спросил. Не надо сразу защищаться.

Кира смотрела в окно, где мелькали остановки. Ей хотелось ответить Антону: конкурс действительно был интересным. Но после разговора любое сообщение казалось поступком, который придётся объяснять. Она убрала телефон в сумку.

Вечером она открыла положение конкурса на ноутбуке. Тема называлась «Город, в котором хочется остаться». Кира придумала плакат почти сразу: вечерняя улица, освещённая дверь маленького магазина, люди, которые не спешат расходиться. Она сделала три наброска. Даниил подошёл, заглянул через плечо.

— Красиво. Только зачем тебе это? У тебя и так с учёбой завал.

— Это для портфолио. Победителей покажут на выставке.

— А, значит, ты всё-таки решила поучаствовать. Потому что он написал?

Кира закрыла крышку ноутбука. В комнате стало слышно, как на кухне гудит холодильник.

— Нет. Потому что мне нравится тема.

— Я ведь тебя не обвиняю. Просто забавно, что моё мнение для тебя ничего не значит, а сообщение чужого парня сразу вдохновляет.

Она хотела возразить. Хотела показать первый набросок, рассказать, как давно мечтает о выставке. Вместо этого сказала:

— Ладно. Я ещё подумаю.

— Вот и умница.

Ночью Кира снова открыла ноутбук. Удалила эскизы из папки на рабочем столе, потом восстановила их из корзины и сохранила под названием «учебное». На следующий день ответила Антону: «Спасибо за ссылку». Без смайлика, без вопроса, без продолжения. Конкурс она пропустила. Через месяц в университете вывесили работы финалистов. Кира стояла перед пла-

катом с освещённым магазином и неожиданно рассердилась: не на автора, не на Даниила — на то, что даже собственную идею теперь приходилось доказывать самой себе.

Глава 6. Немного темнее

Запись в салон Кира сделала на четверг. До этого она несколько раз открывала приложение с оттенками и закрывала его, обещая себе, что решит позже. Даниил ничего не требовал. Он лишь присылал фотографии тёмных волос и говорил, что такой цвет ей пойдёт. Именно поэтому Кире было трудно признаться себе, что она выбирает не только цвет.

В салоне пахло краской, шампунем и крепким кофе. Мастер с короткими серебристыми волосами провела расчёской по её голове и спросила:

— Вы уверены? У вас очень красивый натуральный цвет.

Кира улыбнулась отражению.

— Хочется перемен.

— Тогда можно сделать мягкий переход. Натуральный оттенок всегда успеете затемнить.

Мастер положила перед ней палитру. Кира провела пальцем по карамельному, каштановому, почти чёрному. Она выбрала тёмный каштан — тот самый, что Даниил показывал на снимке.

Когда мастер ушла готовить смесь, Кира достала телефон. Даниил спросил, скоро ли она освободится. Алина прислала фотографию нелепой кружки с подписью: «Это ты по утрам». Кира рассмеялась, потом посмотрела на непрочитанное сообщение подруги. Ей хотелось написать: «Я боюсь, что не узнаю себя». Она набрала первую букву и стёрла.

Краска пахла резко и сладковато. Кира сидела под полотенцем и смотрела, как мастер листает журнал. Вокруг переговаривались женщины, звенели чашки, кто-то сушил волосы феном. Никто не знал, что для Киры это решение стало тяжелее, чем должно было быть.

Когда мастер сняла полотенце и высушила волосы, Кира не сразу подняла глаза. Девушка в зеркале выглядела эффектно, почти взрослой. Тёмные пряди подчёркивали её глаза, делали лицо строже. Она была красивой — Кира это понимала. Но улыбка на отражении казалась не своей.

— Ну как? — спросила мастер.

— Красиво.

Слово прозвучало правильно. Кира заплатила, поблагодарила и вышла. В витрине напротив мелькнуло отражение незнакомки; Кира на секунду задержала шаг, потом пошла дальше.

Даниил ждал у метро. Он сразу улыбнулся и притянул её к себе.

— Вот теперь идеально.

Кира ощутила тёплое удовольствие от его радости. Тут же возник вопрос: «А раньше было неидеально?» Она не произнесла его. Даниил фотографировал её под фонарём, просил повернуть голову и повторял, как ей идёт. Когда он выложил их совместный снимок с подписью «Моя красавица», комментарии наполнились сердечками.

Дома Кира долго смотрела на фотографию. На снимке она улыбалась. Она увеличила изображение, рассматривая глаза, линию волос, незнакомый оттенок. Потом убрала телефон и достала старый снимок, где стояла у окна с прежним цветом. Оба лица были её. Ни одно не объясняло, почему она всё ещё ждала чьего-то одобрения.

Мама попросила прислать фотографию. Кира отправила тот же снимок. «Красиво, доченька. Главное, чтобы тебе самой нравилось», — ответила мама.

В парикмахерской пахло краской и сладким кофе. Мастер, девушка с короткой стрижкой и серебряным кольцом в носу, долго рассматривала волосы Киры.

— У тебя красивый натуральный оттенок. Ты точно хочешь темнее?

Кира кивнула. На телефоне лежала фотография, которую прислал Даниил: брюнетка с гладкими волосами и уверенным взглядом. «Тебе бы пошло», — написал он. Кира сначала

возмутилась. Потом представила, как он увидит её в новом образе, удивится, улыбнётся, скажет, что она невероятная. Ей захотелось подарить ему этот момент.

Пока краска действовала, мастер рассказывала о своей кошке, которая научилась открывать шкаф. Кира смеялась, листала журнал, фотографировала фольгу на голове. Когда полотенце сняли, зеркало показало другую девушку. Не некрасивую. Просто незнакомую. Лицо казалось строже, глаза — темнее, кожа — бледнее.

— Ну как? — спросила мастер.

— Непривычно.

— Ты можешь привыкнуть. А можешь потом вернуться к своему цвету. Волосы — не приговор.

Кира улыбнулась и оплатила процедуру. На улице она отправила Даниилу фотографию. Ответ пришёл быстро: «Вот теперь ты совсем моя». Она перечитала сообщение, стараясь почувствовать радость. Слова были романтичными, наверное. Так говорят в фильмах, когда двое счастливы. Но почему-то захотелось достать из сумки старую фотографию, где она стоит на солнце с растрёпанными светлыми волосами, и убедиться, что та девушка никуда не исчезла.

Вечером Даниил действительно восхитился. Он долго смотрел на неё, гладил волосы, целовал в висок. Кира улыбалась и старалась запомнить это ощущение — быть красивой для человека, которого любишь. А ночью, когда он уснул, пошла в ванную и долго разглядывала корни волос под яркой лампой. Они были светлыми. Пока ещё.

Кира набрала: «Мне нравится». Удалила. Набрала снова и отправила.

С Алиной она встретилась в понедельник у университета. Подруга сначала не узнала её со спины.

— Кир? Ты серьёзно перекрасилась?

— Ну как тебе?

Алина внимательно посмотрела на волосы, потом в лицо.

— Тебе идёт. Но ты же всегда любила свой цвет.

— Люди меняются, Алин.

— Я не спорю. Я только спросила.

Кира услышала в её голосе осторожность и сразу решила, что это осуждение.

— Тогда не делай такое лицо.

Алина отвела взгляд. Они пошли к корпусу, но разговор не вернулся к прежней лёгкости. На лекции Кира почти ничего не записала. Хотела извиниться, однако не могла подобрать слова, которые не звучали бы как признание, что она сделала что-то не так.

После занятий Даниил позвонил и снова похвалил её волосы. Кира поблагодарила его и сказала, что Алина тоже оценила перемену. Он ответил:

— Главное, что тебе самой нравится.

Она замолчала на секунду.

— Да.

Слово далось проще, чем утром. Кира обняла его крепче обычного и решила, что перемены просто требуют времени. Ей очень хотелось, чтобы это решение оказалось правильным. Иначе пришлось бы спросить себя, ради кого она его приняла.

Глава 7. Двадцать пропущенных

В мастерской на цокольном этаже университетского корпуса почти не ловила связь. Кира знала об этом и обычно предупреждала близких, но в тот день всё пошло наперекосяк: преподаватель перенёс просмотр макетов, одногруппница пролила воду на распечатки, а принтер зажевал последнюю пачку бумаги. Когда работы наконец разложили на длинном столе, было без четверти шесть.

Кира думала только о том, как объяснить композицию и не расплакаться от усталости. Телефон лежал в сумке под столом. Она не слышала ни одной вибрации.

На улице экран вспыхнул, стоило ей выйти на ступени: двадцать пропущенных вызовов, семь сообщений и последнее — «ГДЕ ТЫ?» большими буквами. Кира остановилась. Они с Даниилом договаривались встретиться в половине седьмого. До этого оставалось ещё сорок минут.

Она написала: «Была в мастерской, там нет связи. Всё хорошо».

Ответ пришёл немедленно: «Я у ворот».

Даниил стоял возле машины. Он не обнял её, как обычно, и не спросил, как прошёл просмотр.

— Ты издеваешься? Я тебе двадцать раз звонил.

— У нас затянулось занятие. Здесь не ловит.

— Можно было выйти и проверить телефон.

— Я не знала, что ты звонишь.

Он открыл пассажирскую дверь. Кира посмотрела на студентов, проходивших мимо, и села. В салоне было жарко, на стекле оседал пар. Даниил завёл двигатель. Некоторое время они ехали молча.

— Я волновался, — сказал он наконец.

В голосе слышалось больше упрёка, чем страха.

— Прости, я не хотела тебя заставлять переживать.

— Ты могла попросить у кого-нибудь телефон.

— Я не знала, что ты звонишь.

— То есть ты вообще обо мне не подумала?

Кира повернулась к окну. Она хотела сказать, что весь день думала о макете, который нужно было защитить, и что до назначенного времени оставалось сорок минут. Но Даниил так крепко сжимал руль, что она испугалась продолжать.

— Прости, — сказала она.

Слово выскользнуло само. Даниил кивнул, словно получил ответ, которого ждал. Остаток дороги Кира смотрела на мокрые витрины и пыталась вспомнить, когда именно стала отвечать за его настроение.

У дома Даниил отвёз её к себе. Он спросил, с кем она работала в мастерской и почему не предупредила о переносе просмотра. Кира объяснила, что узнала о нём уже на месте. Он попросил показать переписку с преподавателем.

— Чтобы я понимал, что ты не врёшь.

Кира замерла. Телефон был в её руке. Несколько секунд она могла просто убрать его в карман и сказать нет. Вместо этого разблокировала экран и протянула Даниилу.

Он просмотрел сообщения о переносе занятия и вернул аппарат.

— Ну вот. Могла сразу так и сказать.

— Я так и сказала.

Даниил посмотрел на неё, но спорить не стал. Он заказал пиццу и включил её любимый сериал. Через полчаса положил голову ей на колени и попросил почесать волосы. Кира маши-

нально провела пальцами по его затылку. Она хотела верить, что он испугался за неё, а не рассердился из-за того, что не мог до неё дозвониться.

На экране герои мирились после смешной ссоры. Даниил поцеловал её в макушку.

— Видишь, как хорошо, когда мы не ругаемся?

Кира не ответила. Они ведь не ругались — она просто не слышала звонков. Но поправлять его не хотелось. Она устала, а его ладонь была тёплой на её колене.

На следующий день она попросила преподавателя разрешить держать телефон рядом с рабочим столом. Тот удивился: в мастерской всё равно не было связи.

— Если срочное, пусть звонят на кафедру.

Кира кивнула и не стала объяснять, что дело не в срочности. Во время занятия она несколько раз выходила на лестницу, где иногда появлялась одна полоска сети. Одногруппница Лиза спросила, не случилось ли чего дома.

— Всё нормально. Просто жду сообщение.

После пар на экране появилось: «Не забудь, сегодня ко мне».

Кира выдохнула. Их встреча состоялась, Даниил был ласковым, укрыл ей ноги пледом и предложил заказать пиццу. Она почти решилась сказать, что испугалась его крика в машине. Но он гладил её по волосам, говорил о планах на выходные, и слова казались лишними.

Перед сном Кира поставила два будильника: один на утро, другой — на время, когда нужно написать Даниилу, что она вышла из университета. Она объяснила себе, что так ему будет спокойнее. Телефон положила под подушку, чтобы не пропустить звонок.

Ночью случайная вибрация заставила её резко сесть. Несколько секунд Кира не понимала, где находится. Потом увидела тёмную комнату, услышала ровное дыхание Даниила и обнаружила телефон в ладони. На экране не было сообщений.

На следующий день в мастерской объявили внеплановую проверку пожарной сигнализации. Студентов вывели во двор без верхней одежды, преподаватель пересчитывал группу, а Кира стояла под мелким дождём и смотрела на окна подвала. Там остались её телефон и сумка. Она не боялась холода. Ей было страшно, что Даниил позвонит именно сейчас.

Телефон лежал экраном вниз на парте. Преподавательница объясняла, почему нельзя делать шрифт красивым в ущерб читаемости, и Кира записывала её слова на полях конспекта. Она почувствовала вибрацию под локтем, потом ещё одну. На третьей одногруппница Лера выразительно подняла брови.

— Тебя разыскивает полиция?

— Нет. Мой парень.

— Тогда тем более страшно.

Кира улыбнулась, но ладони стали влажными. Она не могла взять трубку во время занятия. Когда преподавательница отвернулась к проектору, Кира заглянула под стол. Семь пропущенных. Двенадцать. Сообщение: «Ты где?» Следующее: «Я переживаю». Потом: «Ответить сложно?» К концу пары на экране горело число двадцать.

В коридоре она набрала его номер. Даниил ответил не сразу.

— Что случилось? — спросила Кира.

— Ничего. Уже ничего.

— Ты звонил двадцать раз.

— Я заметил.

Она прижалась плечом к холодной стене. Мимо проходили студенты с папками, кто-то ел булочку, кто-то громко спорил о зачёте. У всех вокруг была обычная пятница. У неё — непонятный экзамен, на котором вопрос ещё не произнесли, а она уже получила двойку.

— Я была на занятии.

— Ты могла написать два слова.

— Телефон был в сумке.

— Сейчас ты говоришь, что на парте. Определись.

Кира закрыла глаза. Она действительно сказала «на парте»? Наверное, сказала. Почему это вообще важно?

— Даня, я не хотела тебя игнорировать.

— А я не хотел чувствовать себя идиотом, который не знает, жива ли его девушка.

Вечером он привёз ей шоколад и обнял у подъезда так крепко, что она уткнулась лицом в воротник его пальто. «Я просто очень боюсь тебя потерять», — прошептал он. Кира гладила его по спине и обещала быть внимательнее. Через неделю она купила маленький внешний аккумулятор, чтобы телефон никогда не разряжался. Ещё через неделю стала садиться ближе к выходу из аудитории: так удобнее было отвечать на звонки. Она называла это заботой о спокойствии любимого человека. О том, что её собственное спокойствие куда-то исчезло, Кира старалась не думать.

— Ты белая как бумага, — заметила Лиза, натягивая рукава свитера на ладони. — Заболела?

— Нет. Просто замёрзла.

Лиза протянула ей шарф. Кира хотела отказаться, но зубы уже стучали. Когда их впустили обратно, она первой бросилась к сумке. Ни одного вызова. Только реклама доставки и сообщение от мамы с фотографией кота соседки.

Кира рассмеялась — коротко, некрасиво, почти всхлипнула. Лиза обернулась.

— Точно всё нормально?

— Да. Мне просто показалось, что я кое-что потеряла.

Вечером Даниил заметил шарф.

— Чей?

— Лизин. Нас вывели на улицу, я замёрзла.

— Ты могла позвонить мне. Я бы привёз куртку.

— Мы стояли там минут десять.

Он провёл пальцами по мягкой ткани.

— Не люблю, когда ты берёшь чужие вещи. Мало ли кто их носил.

Кира сказала, что завтра вернёт шарф. Даниил кивнул и принялся рассказывать о своём дне. А она сидела на диване, держа в ладонях чашку, и думала о том, что Лиза ничего не спрашивала, прежде чем поделиться теплом. Ей не пришлось объяснять, заслужила ли она его.

Утром Кира постирала шарф вручную, хотя Лиза сказала, что это лишнее. Долго выбирала режим на машинке, боясь испортить шерсть. Вернула его вместе с шоколадкой. Лиза удивилась подарку, а Кира не смогла объяснить, почему благодарность вышла такой большой.

На просмотре следующего проекта преподавательница попросила Киру остаться после пары. В мастерской пахло влажной бумагой, а на длинном столе лежали эскизы, ещё не успевшие высохнуть.

— Ты стала работать осторожнее, — сказала преподавательница, перебирая листы. — Раньше у тебя были неожиданные решения. Теперь будто спрашиваешь разрешения у каждого элемента.

Кира усмехнулась: формулировка была почти смешной.

— Я стараюсь делать аккуратнее.

— Аккуратность — не то же самое, что отсутствие риска. Ты ведь понимаешь?

Она понимала. Но объяснить, почему последние недели ей трудно выбирать даже цвет заголовка, было невозможно. В голове постоянно возникал вопрос, понравится ли это Даниилу, хотя он никогда не учился дизайну и почти не смотрел её учебные работы.

— Попробуй сделать два варианта, — предложила преподавательница. — Один для оценки, другой — тот, который тебе действительно хочется.

Кира согласилась. Вечером она принесла домой большой лист бумаги и нарисовала плакат без оглядки на требования: резкие чёрные линии, несимметричные поля, красный прямоугольник, будто случайно выскочивший за границу. Ей нравилось. Она даже испачкала щёку краской и не заметила.

Даниил вошёл на кухню, остановился у стола.

— Ты опять за этим? Мы же собирались смотреть кино.

— Я почти закончила. Десять минут.

— Ты говорила это полчаса назад.

Кира посмотрела на часы. Прошло всего семь минут с тех пор, как она начала.

— Я не говорила.

Он вздохнул и снял куртку.

— Ты обязательно должна спорить из-за каждой мелочи?

Она почувствовала, как удовольствие от работы исчезает, словно кто-то выключил музыку посреди песни. Даниил ушёл в гостиную. Кира ещё немного смотрела на красный прямоугольник, затем убрала лист под стопку старых распечаток.

На следующем занятии преподавательница выбрала именно этот вариант. Она сказала, что в нём наконец появился голос автора. Кира поблагодарила её, но весь день думала не о похвале, а о том, как поздно вчера легла спать и не обиделся ли Даниил. Она не показала ему оценку. Ей казалось, что хорошая новость перестанет быть хорошей, если её придётся защищать.

Глава 8. У нас всё серьёзно

Предложение переехать к Даниилу прозвучало за ужином. Он говорил о работе и вдруг между двумя фразами спросил:

— Ты не думала, что пора уже жить вместе?

Кира положила вилку. Они встречались всего несколько месяцев. До университета от его квартиры было сорок минут, а подработка находилась в другом конце города. Кроме того, она жила в съёмной комнате, за которую платила сама. Ей нравилось приезжать к Даниилу, но представить, как её вещи занимают его шкафы и полки, было трудно.

— Я думала об этом. Просто не сейчас.

Даниил отложил вилку.

— Значит, я для тебя временный вариант?

— Нет. Я хочу быть с тобой. Мне нужно понять, как совместить учёбу и работу.

— Когда любишь, такие вещи решаются.

Кира посмотрела на тарелку. Она приготовила доводы заранее: время в дороге, деньги, расписание пар. Теперь каждый звучал так, будто она отказывается от него.

— Я не говорю «нет». Я прошу немного времени.

— Конечно. У тебя всегда найдётся причина подождать.

Ужин закончился раньше, чем Кира успела доесть. Даниил убрал тарелки, а она осталась сидеть за столом и смотреть на салфетку, которую весь вечер складывала в маленький квадрат.

В воскресенье Кира разложила дома расписание занятий и чеки за проезд. Она посчитала, сколько времени будет тратить на дорогу, если переедет, и сколько денег сэкономит на аренде комнаты. Числа не складывались в однозначное решение. Она позвонила Даниилу и спросила, можно ли обсудить переезд ещё раз.

— Ты всё превращаешь в бухгалтерию, — сказал он.

Кира сложила листы пополам. Она хотела объяснить, что расчёты — не способ отдалиться, а попытка понять, как устроить их жизнь. Но Даниил уже говорил, что устал ждать.

Вечером Алина пришла к ней с пирожными. Кира рассказала о предложении и показала свои расчёты. Подруга посмотрела на листок.

— Ты сама хочешь переехать?

— Хочу быть с ним.

— Это не совсем ответ.

Кира убрала бумаги в ящик.

— Ты заранее думаешь, что у нас не получится.

— Я думаю о том, чтобы у тебя оставался выбор. Если решишь переехать, хорошо. Только не отдавай комнату в тот же день и оставь у себя документы, деньги и несколько вещей.

— Зачем ты говоришь так, будто я собираюсь убегать?

Алина помолчала.

— Я не хочу, чтобы тебе пришлось убегать. Я хочу, чтобы ты могла уйти, если однажды захочешь.

Кира познакомилась с его друзьями в шумном баре, где музыка заглушала половину разговоров. Илья оказался добродушным парнем, который умел рассказывать анекдоты с совершенно серьёзным лицом. Его девушка Соня сразу предложила Кире сесть рядом. За вечер они успели обсудить учёбу, работу, дешёвые билеты на концерты и кошмарные съёмные квартиры. Кира расслабилась. Она давно не чувствовала себя такой легко принятой в незнакомой компании.

Когда Соня пошла за напитками, Кира вызвалась помочь. У стойки та наклонилась ближе:

— Даня раньше ни с кем нас так быстро не знакомил. Видимо, ты особенная.

Кира смутилась. Слова прозвучали как комплимент, и ей захотелось оправдать это доверие. Вернувшись за стол, она заметила, что Даниил наблюдает за ней. Он улыбнулся и придвинул её стул ближе к себе. В какой-то момент Илья спросил о Кириной учёбе, и она с воодушевлением стала рассказывать про дипломный проект. Даниил положил руку ей на плечо.

— Она у меня талантливая, — сказал он. — Только иногда слишком увлекается и забывает про реальную жизнь.

Все рассмеялись. Кира тоже. Позже Соня спросила, почему она вдруг замолчала, но Кира ответила, что устала. Она не знала, как объяснить, что между «она талантливая» и «забывает про реальную жизнь» уместилось странное чувство: будто её похвалили и тут же попросили не зазнаваться.

Дома Даниил сказал, что вечер прошёл отлично. Он радовался, что друзья приняли её. Кира спросила, зачем он пошутил про учёбу. Даниил удивился:

— Ты серьёзно? Я же тебя хвалил.

— Я знаю. Просто…

— Не ищи подвох там, где его нет.

Она согласилась. В конце концов, вечер действительно был хорошим. У неё даже появился номер Сони. Только сообщение той девушки Кира потом долго не решалась отправить первой. Вдруг Даниил решит, что она слишком старается понравиться его друзьям?

Кира обиделась. Ей показалось, что подруга не верит в её отношения. Она перевела разговор на университет, и Алина не стала настаивать.

Через несколько дней Кира привезла к Даниилу коробку книг. Они поставили её на кухонный стол, чтобы посмотреть, поместится ли всё на полках. Даниил достал несколько томиков, прочитал названия.

— Ты правда всё это перечитываешь?

— Некоторые — да.

Он нашёл тонкую книгу с пометками на полях. Кира хотела рассказать, как купила её на распродаже в первый год учёбы и почему берегла, хотя обложка давно отставала. Даниил положил её обратно.

— Электронная версия удобнее. И полки свободны.

Он сказал это без раздражения. Кира улыбнулась, но коробку не распаковала. Часть книг она оставила в своей комнате.

Вечером Даниил предложил заказать еду и снова заговорил о переезде. На этот раз Кира согласилась, хотя не успела привыкнуть к мысли. Она сказала себе, что осторожность не должна мешать счастью. Ещё сказала, что сможет передумать, если совместная жизнь не подойдёт.

Когда она сообщила новость Алине, та медленно отложила вилку.

— Ты уверена?

— Да.

— Кира, я не против него. Я за то, чтобы у тебя оставалось место, куда можно вернуться.

— У меня есть ты.

— Есть. Но лучше бы тебе никогда не понадобилось ко мне возвращаться.

Кира ушла от разговора с неприятным чувством, будто подруга бросила тень на решение, которым она хотела гордиться.

Переезд растянулся на несколько недель. Кира оставила съёмную комнату не сразу и привозила вещи постепенно. Каждый раз Даниил встречал её у двери, помогал нести коробки и говорил, как здорово, что они наконец будут просыпаться вместе. Кира отвечала улыбкой. Она ещё не понимала, почему ей легче радоваться переезду, когда Даниил рядом, и труднее — когда она оставалась одна среди собранных вещей.

В день, когда Кира окончательно освободила съёмную комнату, хозяйка попросила её зайти за залогом. Кира приехала после занятий. В комнате было пусто: на стене остались два светлых квадрата от фотографий, под окном — маленькая царапина на полу, которую она сделала ножкой стула. Хозяйка проверила шкаф, заглянула в ванную и отдала конверт с деньгами.

— Жалко, что съезжаете. Вы тихая, аккуратная.

Кира улыбнулась. Ей хотелось объяснить, что переезжает к человеку, которого любит, и что это хорошее событие. Вместо этого она спросила, можно ли ещё немного посидеть в комнате. Хозяйка удивилась, но разрешила.

Кира устроилась на подоконнике. Здесь она готовилась к экзаменам, рисовала до утра, слушала голосовые Алины, однажды заболела и три дня прожила на чае и сухарях. Комната была тесной, с облупившейся краской на батарее. Она никогда не считала её красивой. И всё же здесь можно было оставить чашку на столе и не думать, кому это помешает.

Телефон завибрировал. Даниил спрашивал, где она. Кира ответила, что забирает залог. Он прислал сердечко и написал: «Скоро домой, моя девочка».

Она перечитала сообщение. «Домой» — хорошее слово. Кира хотела, чтобы оно означало Даниила, их общие завтраки и ключи на одной связке. Она закрыла окно, проверила кран и выключила свет.

На лестнице соседка с третьего этажа попросила помочь донести пакет. Кира помогла, хотя уже опаздывала на автобус. Женщина поблагодарила её и сказала, что хорошие соседи нынче редкость. Кира вышла во двор, где пахло мокрыми листьями, и внезапно почувствовала, что прощается не только с комнатой. Она ещё не знала, с чем именно. Но почему-то оглянулась на окно, прежде чем уйти.

Глава 9. Ключи от счастья

Первые дни совместной жизни пахли свежими простынями и подгоревшими тостами. Кира купила мягкий плед и две чашки с разными ручками. Даниил шутил над потрёпанным плюшевым зайцем, которого она привезла из родительского дома, но всё-таки поставил его на полку в спальне.

Переезд занял три поездки на машине. В последнюю Кира привезла коробку книг и пакет с кухонными вещами. Она подписала коробки маркером: «Книги», «Краски», «Не потерять». Даниил прочитал надпись и засмеялся.

— Ты даже переезжаешь по списку.

— Иначе я забуду, где что лежит.

— Теперь можно не искать. Я всё знаю.

Он произнёс это ласково, и Кира не стала уточнять, что ей всё равно хотелось самой выбирать, где будут лежать её вещи.

В первый вечер они приготовили ужин. Даниил нарезал овощи, Кира запекла картошку с розмарином. Она сфотографировала две тарелки и отправила Алине: «Первый ужин дома». Слово «дома» ей понравилось. Раньше оно означало родительскую квартиру или съёмную комнату, где соседка занимала ванную по утрам. Теперь это была кухня, на которой они вдвоём спорили, сколько соли добавить.

— Давай сюда телефон, — сказал Даниил, обнимая её со спины. — Сделаем нормальное фото.

Он прижал щёку к её виску и улыбнулся в камеру. Через минуту снимок появился у него на странице с подписью «Моя». Под фотографией посыпались сердечки. Кира покраснела.

На следующий день она разложила на кухонном столе альбом, краски и кисти. Ей нужно было закончить учебный эскиз, но хотелось сделать это у окна, где на бумаге лежали полосы вечернего света. Она только успела налить воду в стакан, когда Даниил вернулся с работы.

— Можно пока убрать? Я хочу поужинать здесь.

— Мне нужно ещё час.

— Тогда давай поужинаем, а потом ты спокойно продолжишь.

Он говорил без раздражения. Кира собрала кисти, чтобы освободить место, и пошла резать хлеб. После ужина Даниил включил фильм. Она не стала снова раскладывать альбом: было поздно, а утром надо было ехать на пары.

В первую субботу Кира решила приготовить завтрак и поставила на стол маленькую вазу с полевыми цветами. Даниил вошёл на кухню и остановился.

— Зачем цветы возле еды?

— Просто красиво.

— Они осыпаются. Поставь, пожалуйста, куда-нибудь.

Она перенесла вазу на подоконник. Через час Даниил попросил убрать её и оттуда: цветы мешали открывать окно. Кира поставила их на полку в прихожей, где они почти не были видны.

Днём она собиралась рисовать. Даниил предложил сходить за продуктами вместе. Кира сказала, что закончит эскиз через полчаса.

— Ты не можешь отвлечься ради нас?

Она закрыла альбом и пошла переодеваться. В магазине Даниил держал её за руку, рассказывал о планах на лето и выбирал продукты. Кира улыбалась. Со стороны они выглядели счастливой парой.

Когда они вернулись, цветы завяли без воды. Кира выбросила их и долго мыла пустую вазу. Ей было жаль не букет, а маленькую попытку сделать общий дом своим.

Позже она снова достала краски. Даниил посмотрел на стол, где сохли листы.

— А это что за мастерская?

— Я ненадолго. Потом всё уберу.

— Мы же договаривались, что здесь будет порядок. Не надо превращать квартиру в общагу.

Он сказал это почти устало. Кира быстро сложила кисти. Вода в стакане осталась мутной, незаконченный рисунок — влажным по краям.

— Ты обиделась? — спросил Даниил.

— Нет.

— Вот и хорошо. Иди ко мне, фильм посмотрим.

Кира пошла. На экране герои смеялись и мирились после смешной ссоры, а она думала, куда поставить коробку с красками, чтобы никому не мешала. На следующий день убрала её на верхнюю полку шкафа. Даниил не заметил, что стол освободился, зато похвалил её за порядок.

Кира достала блокнот и записала на полях рядом с планом квартиры: «Краски — верхняя полка». Потом задержала ручку над бумагой и стёрла слова. Чернила всё равно оставили бледный след.

Вечером Даниил положил ключи на стол и сказал, что теперь у неё тоже есть свои. Кира взяла связку и покрутила на пальце. Ей хотелось почувствовать, что этот дом принадлежит ей не только на фотографии. Она выбрала место для ключей у двери, а рядом поставила банку с карандашами. Утром банку убрала: она мешала открывать шкаф.

Они не обсуждали правила совместной жизни. Они появлялись в мелочах: где можно рисовать, что оставлять на виду, когда лучше отложить свои дела. Кира старалась уступать в малом, чтобы в большом у них всё было хорошо. Даниил замечал порядок и благодарил её за то, что она понимает.

В конце первого месяца совместной жизни Кира решила устроить ужин для Алины и Сергея из типографии. Ей хотелось, чтобы квартира перестала быть местом, где все предметы принадлежали одному человеку. Она купила недорогую скатерть, испекла пирог и достала чашки с разными ручками. Даниил обещал прийти пораньше.

В шесть вечера он написал, что задерживается. В семь — что у него встреча. В половине восьмого Алина уже сидела на кухне, а Сергей рассказывал историю о заказчике, который потребовал напечатать белый текст белой краской на белой бумаге. Кира смеялась так, что едва не пролила чай.

Даниил пришёл, когда они убирали тарелки. Он поздоровался вежливо, пожал Сергею руку, спросил, всё ли хорошо. Алина предложила ему пирог. Он отказался и ушёл переодеваться. Через десять минут гости стали собираться: воздух в кухне словно сделался плотнее, хотя никто не сказал ничего грубого.

Когда дверь закрылась, Кира спросила:

— Ты расстроился, что они пришли?

— Нет. Просто не люблю, когда в моём доме толпа без предупреждения.

— Я предупредила тебя во вторник.

— Ты сказала, что, возможно, пригласишь кого-нибудь. Это другое.

Кира вспомнила их переписку. Там было: «В пятницу Алина и Сергей придут на пирог, ты не против?» Даниил ответил сердечком. Она хотела показать сообщение, но внезапно поняла, насколько унизительно будет доказывать собственному парню, что он разрешил ей пригласить друзей.

— В следующий раз уточню, — сказала она.

— Вот и хорошо.

Он поцеловал её в щёку и открыл холодильник. Спросил, остался ли пирог. Кира достала тарелку, отрезала кусок и поставила перед ним. Он похвалил тесто, а она почувствовала нелепую благодарность за то, что вечер закончился мирно.

Позже Алина написала: «У тебя всё нормально? Ты сегодня была какая-то напряжённая после его прихода». Кира набрала длинный ответ, объясняющий усталость, работу, шум, маленькую кухню. Потом стёрла всё и отправила: «Конечно. Спасибо, что пришли». Отвечая, она заметила, что на столе осталась одна из чашек. На ручке была крошечная трещина. Кира поставила её в дальний угол шкафа, чтобы Даниил не увидел.

Часть II. Будь удобной

Глава 10. Не начинай

После неудачной защиты проекта Кира целый день носила в себе слова преподавательницы: «В макете есть красивые детали, но пока не видно мысли». Она знала, что это не приговор, а рабочее замечание. Всё равно хотелось кому-нибудь рассказать, как обидно было услышать его после трёх ночей почти без сна.

По дороге домой она позвонила Даниилу.

— Ты занят?

— Еду. Что случилось?

— Ничего страшного. Просто день ужасный. Мне сказали, что я не понимаю композицию.

На том конце зашуршал поворотник.

— Кир, я за рулём. Потом.

— Конечно. Извини.

Она убрала телефон. В автобусе перечитала замечание в блокноте и решила, что вечером объяснит всё спокойно. По дороге зашла в магазин, купила продукты для его любимой пасты и пообещала себе не начинать разговор с жалобы.

Даниил пришёл позже обычного. Поставил сумку на пол и открыл ноутбук. Кира дождалась, пока он проверит почту, потом поставила перед ним чай.

— Можно я расскажу про просмотр?

— Давай.

Она начала с того, как преподавательница разбирала работы, но не успела перейти к сути.

— Только не начинай, — сказал Даниил, не поднимая глаз. — У меня на работе проблемы посерьёзнее.

Кира замолчала. Чайник щёлкнул, остывая. Она стояла у стола и держала в руках полотенце, которым вытирала чашки.

— Я просто хотела рассказать.

— Я услышал. Но не сейчас.

Она кивнула и ушла на кухню. В ванной включила воду, хотя руки были сухими. Ей хотелось позвонить Алине, но та спросила бы, что произошло, и тогда пришлось бы произнести вслух то, что сейчас казалось слишком мелким: ей нужно было, чтобы Даниил пять минут послушал.

Позже он подошёл к ней со спины, обнял и спросил, почему она грустная. Кира сказала, что устала. Ей казалось нечестным портить хороший вечер разговором о том, что он уже забыл. Он поцеловал её в макушку, и она почувствовала благодарность за нежность, пришедшую после равнодушия.

На следующий день преподавательница похвалила исправленный эскиз. Кира открыла переписку с Даниилом, чтобы поделиться хорошей новостью, но вспомнила его «не начинай» и закрыла приложение. Радость была маленькой; ей не хотелось видеть, как её гасят одним словом.

Алине она всё-таки рассказала про просмотр. Подруга не стала утешать общими словами: попросила показать макет, всмотрелась в композицию и предложила вместе попробовать другой заголовок. Кира расплакалась прямо над ноутбуком.

Они выбирали посуду в супермаркете, когда Даниил впервые сказал «не начинай» таким голосом, что Кира осеклась на середине фразы. Повод был нелепым: она хотела жёлтые тарелки, он — белые. Кира держала одну жёлтую тарелку на ладони и представляла, как красиво на ней будет смотреться клубника.

— Белые подходят ко всему, — сказал он.

— А жёлтые делают завтрак веселее.

— Господи, Кира. Мы можем хоть раз купить что-нибудь без спектакля?

Она посмотрела на тарелку. Откуда взялся спектакль? Она всего лишь сказала, что ей нравится цвет.

— Я не устраиваю спектакль.

— Вот. Уже начинаешь.

Даниил забрал тарелку и поставил на полку. Он не кричал, не грубил продавцам, не размахивал руками. Со стороны они выглядели обычной парой, выбирающей посуду. Кира пошла за ним к кассе, разглядывая белые тарелки в корзине. Они были ровными, гладкими и совершенно одинаковыми.

Дома он готовил пасту, напевал под музыку, поцеловал её в затылок. Она помогала резать помидоры. Казалось бы, можно забыть про дурацкий разговор в магазине. Но когда Кира потянулась за солью, Даниил сказал:

— Только не пересоли, как в прошлый раз.

— В прошлый раз ты сам добавлял соль.

Он перестал напевать.

— Не начинай.

Эти два слова сработали быстрее любого крика. Кира отдёрнула руку. Потом весь вечер говорила осторожно, будто шла по комнате, заставленной стеклянными стаканами. На следующий день она нашла в интернете рецепт пасты с точным количеством соли. Не потому, что любила готовить по инструкции. Просто очень хотелось, чтобы хотя бы ужин получился без ошибок.

— Я что-то не так сказала? — испугалась Алина.

— Нет. Ты просто спросила.

Они просидели над работой до закрытия мастерской. Кира ушла домой с исправленным эскизом и ощущением, что день можно было пережить, если рядом есть человек, которому не нужно доказывать право на расстройство.

В пятницу преподавательница оставила Киру после просмотра. На столе лежали три распечатки: первая, неудачная, и две исправленные. Женщина долго сравнивала их, переставляла местами и наконец сказала:

— Вот здесь появился твой голос. Не теряй его, когда кто-нибудь будет требовать сделать покрасивее.

Кира вышла из аудитории, будто у неё под пальто спрятали лампочку. Она набрала номер Даниила, но сбросила прежде, чем пошёл гудок. Он был занят. Она помнила.

Вместо этого позвонила маме. Та ответила шёпотом: сидела на работе в комнате отдыха.

— Меня сегодня похвалили, — сказала Кира.

— За что?

Кира растерялась. Она могла объяснить, что удачно расставила акценты, но мама вряд ли поняла бы, почему это важно. Тогда Кира рассказала про три распечатки, про красную пометку на первой и про слова преподавательницы. Мама слушала, иногда просила повторить.

— Я всегда знала, что ты умеешь рисовать, — сказала она наконец.

— Мам, это не совсем рисование.

— Хорошо. Я всегда знала, что ты умеешь вот это своё не совсем рисование.

Они обе засмеялись. Кира обещала прислать фотографии работ, а мама — показать их всем коллегам, даже тем, кто не спрашивал.

Дома Кира застала Даниила за ноутбуком. Он поднял голову и спросил, почему она такая довольная.

— Да так. День хороший.

— Ну и отлично. Сделаешь чай?

Она поставила чайник и вдруг почувствовала злость — не на него даже, а на себя. Она принесла домой хорошую новость и спрятала её так тщательно, словно это была запрещённая вещь. На кухонной плитке отражался свет вытяжки. Кира стояла босиком и мысленно повторяла: «Вот здесь появился твой голос». Не хотела, чтобы эти слова растворились вместе с паром.

Глава 11. Я просто пошутил

На новоселье у Артёма Кира принесла домашнее печенье и альбом с несколькими работами. Ей хотелось показать один рисунок — старую остановку после дождя, с тёплым светом в окнах и человеком под красным зонтом. Даниил сам попросил взять альбом.

— Покажем ребятам. Ты же хотела, чтобы кто-нибудь оценил.

За столом гости листали страницы. Одна девушка задержалась на остановке и спросила, чем Кира рисовала отражения. Кира оживилась, стала объяснять про акварель и бумагу.

— У меня вообще мастер на все руки, — сказал Даниил. — Особенно на бумажках рисовать. Можете заказать портрет кота, только не факт, что узнаете кота.

Несколько человек засмеялись. Кира тоже улыбнулась, хотя почувствовала, как щеки стали горячими.

— Вообще-то я учусь на дизайнера, — сказала она.

— Да ладно, Кир. Я же шучу.

Разговор перескочил на работу Артёма. Кира убрала альбом в сумку. Даниил не заметил.

В такси домой он листал телефон. Кира смотрела на свои руки и пыталась решить, что именно её задело. Возможно, она слишком серьёзно относилась к рисункам. Возможно, умение смеяться над собой было частью взрослости. Но смеяться вместе с ним у неё не получилось.

— Мне было неприятно, когда ты назвал мои работы каракулями.

Даниил не оторвался от экрана.

— Ты что, шуток не понимаешь?

— Я понимаю. Просто мне не смешно.

— Все смеялись.

— Это не значит, что мне тоже было смешно.

Он наконец посмотрел на неё.

— С тобой невозможно расслабиться. Любую мелочь превращаешь в проблему.

Кира хотела объяснить разницу между шуткой и насмешкой, но услышала, как голос становится оправдательным. Она замолчала. Остаток поездки они провели в тишине.

На следующий день приятель Даниила написал ей: «Не хотел вмешиваться, но рисунок на самом деле классный. Не понял, зачем Дань так сказал». Кира перечитала сообщение три раза. Значит, не ей одной стало неловко.

Даниил увидел уведомление, когда она отвечала на сообщение Алины.

— Почему он пишет тебе лично?

— Он сказал, что ему понравился рисунок.

— И ты теперь будешь обсуждать со всеми, какой я плохой?

— Он написал сам. Я ничего не рассказывала.

— Покажи.

Кира показала переписку. Там не было ничего, кроме короткого комплимента. Даниил прочёл и вернул телефон.

— Удали. Мне не нужны эти игры.

Она удалила сообщение. Потом открыла папку с рисунками и спрятала её в глубину ноутбука.

Алина попросила прислать новую работу. Кира выбрала ту же остановку, но перед отправкой написала: «Только не смейся, там детский сад».

— С каких пор ты так говоришь о себе? — спросила Алина.

Кира хотела ответить, что Даниил пошутил. Вместо этого долго смотрела на экран. Чужая насмешка уже успела стать её собственным голосом.

В понедельник Кира случайно встретила Артёма у кофейного автомата. Он долго выбирал напиток, ругался на мелочь, которую автомат отказывался принимать, и в конце концов попросил у неё монету. Кира дала, он купил кофе и спросил, как поживает её альбом.

— Какой альбом?

Воскресным утром Кира устроила дома маленькую фотосессию. Ей нужно было снять несколько предметов для учебного проекта, и она разложила на столе апельсины, книгу в синей обложке, чашку и веточку эвкалипта. Свет падал из окна под нужным углом. Кира двигала предметы, приседала, вставала на стул, проверяла кадры. Когда Даниил вышел из спальни, она радостно показала ему экран камеры.

— Смотри, как красиво тень легла.

Он посмотрел, пожал плечами.

— Очень художественно. Апельсин на столе. Мир такого ещё не видел.

Кира улыбнулась, ожидая, что он тоже рассмеётся. Но Даниил уже открыл холодильник.

— Ты завтрак готовила?

— Я думала, мы вместе…

— Ясно. У нас дома теперь музей апельсинов.

Он говорил с преувеличенной серьёзностью, и это должно было быть смешно. Кира собрала композицию, убрала книгу, разрезала хлеб. За завтраком Даниил спросил, почему она обиделась. Она ответила, что не обиделась. Он сказал, что с ней невозможно шутить, и Кира начала доказывать обратное. Вспомнила смешную историю, рассказала её слишком громко, смеялась в неправильных местах. Ей хотелось вернуть лёгкость утра, но чем старательнее она смеялась, тем дальше уходило чувство, что всё в порядке.

Позже она увидела на телефоне неотправленную фотографию апельсина. Свет на ней был действительно красивым. Кира долго рассматривала кадр, потом удалила. Ей не хотелось объяснять, зачем она хранит снимок обычного фрукта.

— Тот, с остановкой. Ты приносила на новоселье. Классная работа.

Кира удивилась, что он запомнил. В тот вечер Даниил несколько раз шутил над её рисунками, и она почти перестала замечать чужие реакции.

— Спасибо. Я хотела её закончить.

— Если закончишь, покажи. У нас в офисе как раз ищут человека для маленького проекта. Не обещаю ничего, но могу спросить.

Кира сказала, что подумает. По дороге домой она уже представляла, как расскажет Даниилу. Это ведь его друг, и предложение возникло благодаря вечеру, на который они ходили вместе. Однако за ужином Даниил выслушал её без улыбки.

— Артём тебе работу предложил?

— Не совсем. Сказал, что может спросить.

— Интересно. Он со мной об этом не говорил.

— Наверное, потому что рисунки мои.

Она произнесла это слишком быстро. Даниил поднял брови.

— А я что, против твоих рисунков?

— Нет, конечно.

— Тогда почему защищаешься?

Кира не знала. Она только что была рада возможности, а теперь объясняла, почему не сделала ничего плохого. Даниил предложил сначала обсудить проект с ним, чтобы она не попала в неловкое положение. Кира согласилась.

Вечером Артём прислал сообщение: «Если интересно, напиши, познакомлю с ребятами». Кира ответила, что сейчас слишком загружена учёбой. Через минуту ей стало жаль отправленных слов. Она действительно была загружена. Но ещё утром была готова попробовать.

Она открыла альбом, посмотрела на остановку под дождём и закрыла. Иногда отказ кажется собственным решением только потому, что ты успела произнести его первой.

На следующий день после новоселья Кира получила сообщение от Антона. Он прислал фотографию старой городской библиотеки: её фасад собирались закрыть рекламным щитом, и он возмущался, что никто не думает об архитектуре. Кира машинально ответила, что библиотеку ещё можно сфотографировать для учебного проекта. Через минуту пришло предложение встретиться в воскресенье с фотоаппаратами.

Она перечитала его три раза. Раньше подобное приглашение означало бы просто прогулку с человеком, которому интересны те же вещи. Теперь она сразу представила лицо Даниила.

— Антон написал, — сказала она вечером, стараясь, чтобы голос звучал небрежно.

— И что ему нужно?

— Хочет снять старую библиотеку. Её собираются закрыть щитом.

— Понятно. Значит, свидание.

— Это не свидание. Он пригласил ещё ребят с факультета.

— Тогда почему ты так нервничаешь?

Кира стояла с телефоном в руке. Ей вдруг захотелось просто выйти из комнаты и пойти куда-нибудь, где не нужно объяснять значение каждого сообщения. Вместо этого она открыла переписку и показала экран. Даниил посмотрел, кивнул и сказал, что ему всё равно. Но за ужином почти не разговаривал.

В воскресенье Кира осталась дома. Она написала Антону, что занята, и весь день разбирала коробку с книгами. Даниил был в прекрасном настроении: включил музыку, предложил испечь печенье, потом пригласил её в кино. Кира старалась радоваться, однако то и дело представляла библиотеку — высокие окна, сколотую лепнину, облупившиеся буквы над входом.

Через неделю Антон прислал снимки. На одном фасад отражался в луже так, что здание будто уходило под землю. Кира долго смотрела на фотографию и поняла, что ей больно не из-за несостоявшейся прогулки. Ей было больно от того, как легко она отказалась от собственного желания, чтобы кто-то другой не сердился. Она сохранила снимок, но Даниилу не показала.

Глава 12. Не надевай это

Голубое платье с мелкими белыми цветами Кира купила на распродаже весной. Оно нравилось ей за лёгкий рукав и за то, как ткань двигалась при ходьбе. Она берегла его для случая, когда захочется почувствовать себя красивой.

Перед пятничной встречей она надела платье и вышла из спальни. Даниил поднял глаза от телефона.

— Ты в этом пойдёшь?

— Да. Почему?

— Слишком вызывающее.

Кира посмотрела на себя. Платье закрывало плечи и доходило почти до колен.

— Оно просто яркое.

— Там будут мои коллеги. Не хочу, чтобы ты выглядела так, будто собираешься привлечь внимание.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.